

Слова Цзян Цютуна подняли в душе Цзи Яо настоящий шторм. Он был молод, но уже бывалым — годы на любовном фронте закалили его как следует. И всё же застигнутым врасплох вот так он себя не чувствовал ни разу.

Обычно всё шло по накатанной: вскружить голову, потом аккуратно выскользнуть — встал, отряхнулся и ушёл. В худшем случае, как с Вэй Ланем, получал на прощание кулаком в ухо. Но не более.

По совести говоря, образ, который Цзи Яо выстроил специально для Цзян Цютуна, был просто безупречен. Бесшабашный парнишка без лишних заморочек, любитель потрепать языком — и вместе с тем неожиданно увлечённый психологией и искренне восхищающийся своим профессором. Раздолбай в будни, серьёзный — когда надо. Эта маска на шесть-семь десятых совпадала с его настоящим характером: управлять ею было несложно, провалиться — почти нереально.

Ради Цзян Цютуна он трудился в поте лица. У него до сих пор стояла на прикроватной тумбочке стопка недочитанных книг по психологии.

Надёжно и беспримысленно. Цзян Цютун — человек острый, с высоким порогом чувствительности, поэтому Цзи Яо отвёл себе около полугода, чтобы влюбить его в себя без единой осечки. Для сравнения: на Юй Сыюаня у него ушло всего три месяца.

Была у него и ещё одна хитрость: соблазняя натуралов, он почти никогда не раскрывал своих предпочтений. Ждал, пока те сами к нему потянутся, — и тогда всё шло само собой. Расставаться после было куда проще. Здесь снова всплывал несчастный Вэй Лань — когда тот прибежал требовать объяснений, Цзи Яо без тени смущения заявил: дескать, я натурал, ничего не могу поделать, попробовали — не моё.

Всё складывалось идеально. Если бы не одна досадная ошибка: он недооценил Цзян Цютуна.

Как мужчина, Цзян Цютун был пугающе проницателен. От природы он чувствовал чужие эмоции — считывал настроение по мельчайшим жестам, угадывал мысли по случайным движениям.

С Цзи Яо этот дар не подвёл его ни на секунду.

Поначалу Цзян Цютун просто замечал — что-то в Цзи Яо чуть-чуть не то. Трудно было объяснить что именно: тот всё-таки готовился основательно. Ощущение было похоже на аккуратный глиняный горшочек с крышкой, которая сидит самую малость не по размеру, — при каждом кипении из-под неё украдкой пробивается тонкая струйка пара.

Раз — ладно. Два — тоже ничего. Но когда это повторяется снова и снова, поневоле начинаешь обращать внимание.

В общем-то, Цзян Цютун не придавал этому особого значения. Но вот сегодня — когда он вышел из машины и повёл Цзи Яо к себе домой (мальчишку накрыло такое, что ни в общежитие его отправлять, ни снимать номер в одиночестве — оба варианта не годились) — он обернулся и увидел: Цзи Яо опустил голову, обнажив длинную красивую шею. Что-то в этом жесте было... томным.

Привычки выдают человека — особенно когда он не следит за собой.

Цзян Цютун мысленно отмахнулся: показалось.

Но когда он вернулся и застал Цзи Яо протрезевшим, тот — заметив его — непроизвольно поправил волосы. Жест незначительный, но красноречивый: люди невольно приводят себя в порядок перед теми, кто им небезразличен. Правда, «небезразличен» — понятие широкое, и Цзян Цютун пока не решался истолковывать его однозначно.

Когда же Цзи Яо заговорил, и всё сегодняшнее — его поведение за эти месяцы и то, что Цзян Цютун застал у подъезда — сложилось в единую картину, сомнений не осталось.

Цзи Яо к нему равнодушен → значит, он как минимум бисексуален → у него хорошие отношения с тем самым Вэнь Линем → Вэнь Линь к нему явно равнодушен, это бросается в глаза → Цзи Яо не мог этого не видеть → значит, притворялся, что не замечает → при этом не отталкивал его → и чуть не был изнасилован → заигрался — доигрался → сам виноват, зелёный чай-парень.

Кстати, словечко «зелёный чай-парень» Цзян Цютун услышал от двоюродного брата.

Было это в тяжёлые времена: брак Цзян Цютуна трещал по швам, Юй Сыюань тоже страдал — какой-то парень окрутил его, точно наивного простачка. Два невезучих приятеля сидели и пили в тишине. Юй Сыюань жаловался — мол, тот парень законченный «зелёный чай».

Цзян Цютун переспросил: что за выражение. Юй Сыюань объяснил.

Теперь Цзян Цютун понял, что оно идеально подходит Цзи Яо. Вылитый зелёный чай.

Знай Цзи Яо об этом — взорвался бы. Он считал себя обольстителем, берущим харизмой, а всё это мелкое жеманничанье и интриги — уделом тех, кого и за стол сажать стыдно. Хотя со стороны разницы, пожалуй, почти никакой.

Цзян Цютун бросил свою реплику — и замолчал. Потягивал вино из бокала неторопливо, с видом человека, которому всё происходящее в высшей степени любопытно. Интересно, как Цзи

Яо среагирует.

Цзи Яо не подвёл. Он замер на долю секунды — и тут же, с безнадёжным видом, провёл рукой по лицу и с сожалением поцокал языком:

— Надо же, раскусил.

Цзян Цютун был уверен, что тот станет отнекиваться. Или, на худой конец, делать вид, что ничего не понимает. Вместо этого — спокойное, почти весёлое признание. Цзян Цютун воззрился на него с неподдельным любопытством. Такой толстокожести он ещё не встречал.

— И маску снимаешь?

Цзи Яо вольготно откинулся на спинку дивана и развёл руками — легко, без тени смущения:

— Раньше притворялся, потому что хотел тебя добиться. Боялся, что отпугну. Теперь, раз уж ты всё равно раскусил — зачем? Нравишься ты мне — и ничего тут не поделаешь.

Он был красив той открытой, незаёмной красотой — и сейчас улыбался с лёгкой хитринкой, но без малейшей пошлости. Откинутая поза только добавляла к этому образу какой-то дерзкой, живой свободы.

Маска снова сменилась. «Чистый и светлый натурал без претензий» обернулся «беспардонным гулякой-геем без претензий». Переключение — мгновенное, как смена фильтра на фотографии. Впрочем, много ли надо было изображать — он и в самом деле был именно таким.

Когда человек играет самого себя, это чувствуется. Лёгкое, неуловимое несоответствие, которое давно царапало Цзян Цютуна, наконец исчезло. Тот чуть приподнял бровь:

— Нравлюсь?

Неизвестно почему — возможно, сказывалось влияние неугомонного двоюродного брата — но Цзян Цютун с удивлением обнаружил, что он не настолько однозначный натурал, каким себя считал. Когда мужчина признался ему в симпатии, его первой реакцией оказалось вовсе не отвращение и не раздражение — а что-то похожее на любопытство.

Он занимался психологией, но с геями сталкивался нечасто. Юй Сыюань на эту тему не говорил. Поэтому — да, было интересно.

Сексуальная ориентация — врождённое или приобретённое? Возникает ли влечение при виде обнажённой женщины? Есть ли у них та же инстинктивная настороженность к представителям своего пола, что у натуралов?

Он лениво скользнул взглядом по Цзи Яо и решил немного прощупать почву:

— Нравлюсь — и при этом встречаешься с тем Вэнь Линем?

— Есть шанс!

Цзи Яо встрепнулся. Повёл плечом — и в этом движении вдоль шеи мелькнула цепочка засосов, спускавшихся от уха к ключице. Как бабочки, присевшие на кожу. Он ухмыльнулся с ленивой бесстыдностью:

— Как ты не можешь управлять тем, что нравишься мне, — так и я не могу управлять тем, что нравлюсь другим. Недосмотрел — бывает, но меня в том не вини. Между прочим, я ради тебя хранил себя в неприкосновенности.

Цзян Цютун пригубил вино:

— Откуда мне знать — правда это или нет.

Цзи Яо вскинул бровь:

— Да проще простого.

Он произнёс это — и соскользнул с дивана с ловкостью леопарда, опустившись на ковёр у ног Цзян Цютуна. Тот посмотрел на него сверху вниз — взгляд всё такой же спокойный, непроницаемый.

Цзи Яо придвинулся ближе. Бок скользнул вдоль голени Цзян Цютуна; голова опустилась на его бедро. Цзи Яо улыбнулся и выдохнул — горячо, медленно.

— Было ли у меня что на стороне — сам проверь.

Звон. Бокал лёг на стекло журнального столика — чисто, без единого лишнего движения. Тихий хрустальный щелчок.

Длинные красивые пальцы Цзян Цютуна принялись выбивать по столешнице неторопливую дробь. Тап-тап-тап. Тап-тап-тап.

Улыбка на лице Цзи Яо стала шире.

Рука оторвалась от столика и потянулась к нему. Ладонь мягко прошла по его голове; большой палец коснулся мочки уха.

Медленно. Двусмысленно.

Цзи Яо послушно опустил голову.

Он выиграл.

<http://bllate.org/book/20554/2131277>